

Виктор Мельников

**«Большие сиськи,
большой болт»
и другие нецензурные
рассказы**

Виктор Мельников

**«Большие сиськи, большой болт»
и другие нецензурные рассказы**

«Издательские решения»

Мельников В.

«Большие сиськи, большой болт» и другие нецензурные рассказы /
В. Мельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932238-8

Сборник контркультурной прозы. Мораль всех рассказов книги — голая правда. Без всякой на то морали. А правда, как известно, страшит. (Не путать со словом «тошнит».) И, конечно, в книге присутствует перчинка: добавлено немного чёрного юмора. Внимание! В книге присутствует нецензурная речь.

ISBN 978-5-44-932238-8

© Мельников В.
© Издательские решения

Содержание

Незаконченное утро	6
Чёрная смерть	11
Дозы	14
Огни притона	17
1	17
2	19
3	21
4	23
5	25
Задний ум	27
Правда скрывается чуть подальше ото лжи, рядом с кладбищем	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Большие сиськи, большой болт» и другие нецензурные рассказы

Виктор Мельников

© Виктор Мельников, 2018

ISBN 978-5-4493-2238-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Незаконченное утро

Слово было в конце... И слово было матерное – «иди на хуй...» Как сразу меняется представление о мире!

А вначале произошёл Большой Взрыв. Невероятно горячий огненный шар, температура которого достигала миллиардов градусов, если хотите знать, в какой-то момент взорвался и разбросал к чёртовой матери во всех направлениях потоки энергии и частиц материи, придав им колоссальное ускорение.

Этот огненный шар, разлетевшийся на части, имел огромную температуру, повторюсь, и крохотные частицы материи обладали поначалу слишком большой энергией и не могли соединиться друг с другом, чтобы образовать атомы. Однако спустя аж несколько миллионов лет температура Вселенной понизилась, и из элементарных частиц, значит, сформировались различные атомы. Сначала возникали самые лёгкие химические элементы, поебень, так сказать. Постепенно Вселенная охлаждалась, и образовывались более тяжёлые, охувевшие элементы.

Между тем Вселенная остывала. Новообразованные атомы, в сущности, истинные шобла-ёбла, собирались в гигантские облака пыли и газа. Частицы пыли сталкивались друг с другом, чинили разборки, ежели чё, сливались в единое целое. Гравитационные силы притягивали маленькие объекты, шестёрок, к более крупным объектам. В результате, вообразите, во Вселенной со временем сформировались галактики, звёзды, планеты – некий ебаторий, полное занудство.

Примерно те же процессы, хотя и значительно в меньших масштабах, происходили и на Земле: Москва не сразу строилась. То есть земное ядро охуеть как сжималось!.. Из-за ядерных реакций и распада, в самом деле, радиоактивных элементов в недрах Земли выделялось много тепла, что образующие её горные породы не могли выдержать огромной силы, расплавились. Более лёгкие вещества, удивительное дело, отделялись в земном ядре от более плотных веществ, железа и никеля, и образовывали земную кору.

И вот, спустя миллиард лет земная кора затвердела и превратилась в прочную внешнюю оболочку планеты, состоящую из твёрдых горных пород, – некой платформы для дальнейших разборок, но ещё меньшего пошиба.

Но не тут-то было! Шли злоебучие дожди, дули такие же ветры, извергались вулканы, двигались материи. В результате на месте одной горной породы возникала другая. А после приходило оледенение! Подлинно, ледники волокли за собой множество крупных и мелких обломков горных пород, вмёрзших в их ледяные бока и брюха. Огромный панцирь льда толщиной до четырёх километров похоронил под собой почти всю Европу. К чёрту похоронил! Гигантскими волнами, поверьте, шло наступление холода на Землю. И всё-таки, как волна уходит назад в море, так и холод, а вместе с ним ледник, отступает назад, оставляя на поверхности камни и валуны.

Впрочем, многое из бурного прошлого отражается в горных породах. Разумеется, это летопись, краткая. Смешно сказать, малая часть, если сравнивать с целой Вселенной или звёздами. И вот я, стало быть, серый валун, оказавшийся во дворе одного многоэтажного дома, имею память (на чём, хочу заметить, основана вся нынешняя ебливая электроника) и просто так не базарю, кстати сказать, – я своеобразная форма жизни, без преувеличений, кремний! Я губка, вбирающая в себя любую информацию, которая накапливается во мне магнитной лентой

кассетного магнитофона: последний слой самый свежий, самый значимый... Не зря же на моём боку соседский мальчишка написал баллончиком с краской *«иди на хуй, Рома»*. Знать бы, кто этот Рома, вообще-то. Но я в неведении, ничего лишнего не скажу. Поэтому забудем Рому, вспомним всё то, другое, что было.

Значит, вылез я из земли, меня раскопали строители. Так случилось. Бульдозер, зараза, зацепил ножом и выволок наружу. Лучше бы мне лежать в земле. Но раз произошло то, что произошло, скажу, во мне тонна веса, и меня оставили. Там, где нашли. Теперь я красуюсь перед всеми, накапливаю информацию – я, сука, памятник природы, оставленный на растерзание природным стихиям, малолетним детям и алкашам, ссущим на меня чуть ли не каждый вечер.

Судьба, однако.

Что я помню до этих слов *«иди на хуй, Рома»*?.. В общем-то, ничего хорошего. Былое, как настоящее... опьянение от пивной мочи.

И это так банально!

ПОСЛЕДНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ СЕРОГО ВАЛУНА

В отличие от грома, которого боятся все, очень редко можно найти того, кто боится камня. Считается, что камни когда-то были мягкими (да, мы кипели в лаве), но с течением времени остыли и окаменели.

Когда меня вытащили из-под земли, один строитель заметил:

– Этот камень, видимо, здесь давно живёт. Да, я запомнил эти слова, точно так же, как помню наизусть каждую секунду времени прошлого, ведь я не лежал, а именно жил. И меня вытащили на свет не по моему желанию, случайно. Выдавливание камней на поверхность грунта обычно происходит в результате внутренних вибраций земли. А я оказался заложником – стрём, конечно, – человеческой деятельности. И жизнь так стремительно понеслась вперёд, что я осознал смысл пословицы, что под лежащий камень вода не течёт.

Сначала на меня залазили, прыгали с меня – это были строители. Они удивлялись, откуда я взялся на ровном месте. Об меня чистили грязные резиновые сапоги, выливали остатки карбида, плевали в меня, рассматривали внимательно, но не получали ответа.

После, когда дом сдали, рядом со мной посадили берёзу. Сделали лавочку.

Время ускорило темп (говорю только о некоторых событиях).

ПЕРВОЕ СОБЫТИЕ

Григоров из пятнадцатой квартиры поцеловал Муравьёву из пятой. Она же дала ему леща.

ВТОРОЕ СОБЫТИЕ

Бабушка Люба, образцовый управдом, донесла родителям Муравьёвой, что их дочь проститутка. За простой поцелуй.

ТРЕТЬЕ СОБЫТИЕ

Дядя Ваня, отец Муравьёвой, ударил Григорова по лицу кулаком и сломал подростку нос.

ЧЕТВЁРТОЕ СОБЫТИЕ

Милиция увезла дядю Ваню в воронке. Он громко ругался матом, мол, он, законопослушный гражданин, блядь, кормит ментов, сука, а они его обвиняют необоснованно в смертных грехах.

.....

СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЁРТОЕ СОБЫТИЕ

Валентина Петрова изменила мужу. На лавочке, под берёзой. С Игорем Белым. Он являлся непосредственным её начальником: она скромно отдалась, опершись щекой и руками о мою прохладную, шершавую поверхность.

.....

СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТОЕ СОБЫТИЕ

Бомж N умер рядом со мной, отдав душу дьяволу по причине своего атеизма.

.....

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВОЕ СОБЫТИЕ

Колесников и Ус укололись и уснули под берёзой.

.....

ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТОЕ СОБЫТИЕ

Некто, прохожий (даже камни не всё знают), изнасиловал двенадцатилетнюю Олю Смирнову, проживающую в сто второй квартире.

.....

ДЕВЯНОСТОЕ СОБЫТИЕ

Гражданка N подкинула младенца, Валентина Петровна нашла ребёнка на следующий день, вызвала милицию, а после усыновила подкидыша.

.....

ДЕВЯНОСТО ШЕСТОЕ СОБЫТИЕ

Маляренко, сын прокурора, с девяносто пятой квартиры, зарезал некоего Петрова. Убийцу так и не нашли.

.....

ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЕ СОБЫТИЕ

Ус ошибся, сделал передозировку. Колесников скончался.
Ус лёг в наркологию, закодировался. Надолго?

.....

СТО ВТОРОЕ СОБЫТИЕ

Петренко Иван, ублюдок с первой квартиры, убил кошку и закопал её рядом со мной.

.....

СТО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ СОБЫТИЕ

Кровавая разборка завершилась перестрелкой. Три трупа и кровь на мне: третьему раз-
мозжили голову об меня.

.....

СТО СОРОК ВТОРОЕ СОБЫТИЕ

Дети с соседнего дома нюхали момент. Все остались живы.

.....

СТО СОРОК ДЕВЯТОЕ СОБЫТИЕ

На Новый год, некий Сидоренко, пьяный, случайно снёс башку из охотничьего ружья
Кутепе, проживающему в восемьдесят восьмой квартире. Сидоренко стрелял в полночь
из охотничьего ружья.

.....

СТО ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОЕ СОБЫТИЕ

Аня Любимова, местная шестнадцатилетняя красотка, порезала вены. Смерть страшна
в ожидании.

.....

ДВЕСТИ СОРОК ЧЕТВЁРТОЕ СОБЫТИЕ

Четырнадцатилетняя прыщавая девочка из тридцать второй квартиры потеряла дев-
ственность. Семнадцатилетний Вадим оказал ей такую честь. И сам потерял девственность.

.....

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЕ СОБЫТИЕ

Некто подошёл ко мне, признался: «У меня лежит хуй на всех баб», – и обоссал меня.
Этот некто, естественно, был пьян. Он являлся законным мужем Валентины Петровой. То, как
она изменяла ему возле меня, говорило, что он не врёт.

.....

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТОЕ СОБЫТИЕ

Он сказал: «Я тебя люблю!» Она покраснела и ответила: «Милый!»

Это Любовь! С большой буквы! И во мне застыло радостное чувство.

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЕ СОБЫТИЕ

Неизвестный поэт написал:

*Хмуро, серо, утро.
За окном стена.
Дождь идёт как будто,
Ливень, град, война...*

*Суп на дне тарелки.
Крошки на полу.
Включен телевизор,
Шоу, мать твою!..*

*Август. Понедельник.
Пятое число.
Вторник не наступит
Для того, кто сдох.*

*Остальным смеяться!
Прыгать и скакать!
В среду станет ясно,
Кто покинет нас.*

*Можно не стреляться,
Яда не глотать.
Жизнь – она прекрасна,
Жизнь не любит нас.*

*Боль исчезла. Пусто.
Видимо, не зря
Дождь испачкал стену:
«Смерть для всех одна».*

ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЕ СОБЫТИЕ

Илья, соседский мальчишка семи лет, чуть ниже стихотворения дописал: «*Иди на хуй, Рома...*». Зачем он это сделал, известно одному Илье.

Вот и всё...

Как мало – и как много произошло! Предпоследнее событие и двести пятьдесят пятое событие привели меня к мысли, что ложка мёда в бочке дёгтя – тоже не особенно здорово. Вообще, чаще влияют на тебя, не ты влияешь. Смотришь и запоминаешь. Негодуешь.

А жизнь продолжается, песок осыпается...

Чёрная смерть

Почему я пью? Этот вопрос у меня всегда возникает, когда я просыпаюсь с бодуна. Ответить на него я, естественно, не могу. Понятно почему. Ибо каждый день у меня начинается плохо.

Короче говоря, сидим мы с Борисом Ивановичем, соседом, на скамейке, напротив нашего пятиэтажного дома, где проживаем уже более двадцати лет. Он проживает с семьёй. Я проживаю один. Мы все проживаем здесь, не живём – обстоятельства такие: то свет отключат, то воды сутками нет, ни горячей, ни холодной, то канализация прорвёт, воняет на весь дом... Неосуществимые мечты, безработные мысли, кризисные планы, трясущиеся руки – это у меня. У Бориса Ивановича того хуже: неизвестно от кого беременная семнадцатилетняя дочь, оставившийся завод, жена – сука и стерва, как обычно бывает в таких обстоятельствах, тёща в больнице с инфарктом. О тёще Борис Иванович говорит прямо по Чехову: она дивный, чудный, святой человек, а такие на небе нужнее, чем на земле. Я, бывало, одёргиваю его, мол, так нельзя, а он мне в ответ: моя жизнь, мои выстраданные слова, не нравятся эти слова – не лезь в мою жизнь! Да я и не лезу, он сам, блин, всё рассказывает.

Так вот, сидим мы, значит, курим, а Борис Иванович прямо читает мои мысли, говорит:

– Эх, водочки бы сейчас испить!

– Холодной, – уточняю я.

И только мы заговорили об этом, как баба Варя с третьего подъезда подходит к нам с просьбой:

– Клавдия померла. Помочь надо.

– Благое дело, – говорю ей. – Поможем. И помянем. Обязательно.

Баба Варя почему-то плюёт себе под ноги:

– Тьфу, на тебя, Андрей! Остепенись. Звать-то больше некого, одни старики в доме. А ты нажрёшься раньше времени!

– Баб Варя, – говорю, – а чего тогда зовёшь меня, коль возмущаешься? Делать тебе нечего?

– Того – и нечего. Нет никого больше.

Родственников у Клавдии не было. Жила она одна. Как в заточении. За десять лет ни разу не вышла на улицу, даже на балконе не появлялась. Странная старушка.

Доглядывала за Клавдией тётка Ирка, также стоящая одной ногой в могиле. Десять лет, кабы не дольше, изо дня в день к Клавдии приходила. Я думал, тётка Ирка раньше на тот свет отправится. Ошибся. Ясно, что вся возня из-за квартиры, она у Клавдии однокомнатная была, и теперь переходила другому хозяину. Тётка Ирка говорила, что для сына старается, он уже седьмой год по съёмным квартирам шарахается с женой. Заработать сейчас свой угол невозможно, но я как мать должна помочь, раз силы ещё есть.

И вот, значит, мы с Борисом Ивановичем спускаем тело с пятого этажа в беседку во дворе, кладём в гроб, едем на кладбище, копаем могилу. Всё как полагается, путём делаем. Позже тётка Ирка водки, закусить передала. На следующий день похороны (решили быстрее закончить с траурной церемонией новоявленные родственники и соседи), могила засыпана, после поминки, нас благодарят, дают водки ещё (много её осталось на столах), и мы с Борисом Ивановичем два дня в коматозе, так сказать...

Снова сидим на скамейке. Молчим. А что говорить? За эти несколько дней друг другу всё высказали. Переругались. Чуть было не подрались. Но хватило ума закончить спор мирным путём: друг другу плюнули в морды и – промахнулись. У каждого из нас была своя правда. А когда две правды одна ложь получается. Да и не помнил никто из нас, о чём спорили-то.

Виджу, баба Варя направляется в нашу сторону.

– Горе-то какое! – восклицает она. – Дед Матвей помер. Что за напасть у нас в доме, а?

– Помощь, наверное, нужна? – спрашиваю я. Как вовремя смерть наступила, думаю. Дед Матвей знал, когда умереть. Хороший дед был! И смерть подгадал точь-в-точь, когда Борис Иванович и я могли сами в мир иной уйти.

– Да, Андрюша, – сказала баба Варя. – Не откажи.

– Дела как сажа бела, – промолвил Борис Иванович.

И всё повторяется вновь. Деда Матвея спускаем – только уже с четвёртого этажа – в беседку, кладём в гроб, едем на кладбище, копаем могилу... Поминки, забытьё, похмелье, бодун, скамейка: Борис Иванович и я на своих местах. Пыхтим сигаретами.

– Странно как-то, – говорю. – Две смерти за неделю. Кто следующий будет?

– Наверно, кто-то с третьего этажа, – говорит Борис Иванович. – Это уже закономерность, система.

Баба Варя знала, где нас искать. Она шла уверенным шагом, и я догадывался, что у неё плохие новости. А для нас – повод похмелиться.

– Денис, восемнадцатилетний парнишка, с третьего этажа разбился сегодня ночью на машине.

Борис Иванович толкнул меня в плечо:

– Я же говорил.

Невольным взглядом я посмотрел на дом. Окна умерших людей выходили во двор. Клавдия – пятый этаж, дед Матвей – четвёртый этаж, третий – Денис, второй этаж – там Константин Ильич, раковый больной, однозначный исход, первый этаж... у меня перехватило дыхание – я!

Баба Варя рассказывала, как разбился Денис. С её слов он на скорости сто километров в час врезался, пьяный, в дерево и вылетел из машины через лобовое стекло, но вылетел не весь: нижняя часть тела осталась в искорёженной до неузнаваемости машине. Баба Варя страшные вещи рассказывала. Я слушал краем уха, а сам думал о своей судьбе: если так будет продолжаться, то и мне придёт конец. Совсем скоро.

Похороны были грандиозные! Человек двести точно присутствовало. Наша помощь с Борисом Ивановичем не понадобилась. Там всё уплачено было другим людям. И всё равно мы надрались!

После, чувствуя близкий конец, я расплакался другу в плечо:

– Умру я скоро, Борис Иванович, как собака сдохну!

– Похороним, Андрейка, тебя похороним... не беспокойся! Честь по чести, всё сделаем по-людски.

Умел Борис Иванович успокоить, не спорю. Он пожелал мне быстрой смерти, и как только Константин Ильич отдаст Богу душу – я обязан блюсти некий ритуал, то есть не пить.

От этих слов мне сделалось совсем худо!

– Как не пить?! Да я точно тогда откину ласты! Привычка, как могила, свята! Ты чего, козёл старый, меня на тот свет раньше времени отправляешь, совсем нюх потерял, а! – И я его ударил. Дело происходило поздно вечером. Поэтому я промахнулся, попал кулаком в стену. Кость руки затрещала.

– Так тебе и надо, – заявил Борис Иванович и пошёл домой.

Злой рок навис надо мной. Ожидание.

Руку загипсовали. Я возвратился из больницы – новость не была для меня неожиданностью: Константин Ильич.

Баба Варя смотрела на мою руку и говорила, жаль, что я ничем не смогу помочь, вся надежда на Бориса Ивановича.

– Нет, – отрезал он, – хватит!

– Что так? – баба Варя стояла растерянной.

– Следующий Андрей, если разобраться.

Ничего не понимая, баба Варя махнула руками, сказала:

– Да он ещё молодой, куда ему! Сорок лет – не срок.

– Вот именно, Борис Иванович, не отказывайся, помоги. А со смертью я сам как-нибудь разберусь.

И дни полетели опадающими с деревьев листьями. Осень. Два месяца я ждал смерти, мой черёд давно уже настал. Желание взглянуть смерти в лицо пьяными глазами, чтобы не испугаться, дыхнуть перегаром – где ты, сука? – усиливалось... Боишься меня? Я тебя – нет!

Так я себя успокаивал, а сам дрожал, держа гранёный стакан, до самых краёв налитый, всегда наготове, если что...

...и появилась она, в чёрном балахоне, с косою, похожая чем-то на бабу Варю, и сказала:

– Здесь от тебя пользы нет, и там не будет. Жизненная суть твоя правдива, а весь реал жизни – лживый. – Хуйню сказала, это понятно, но зато достала бутылку водки «Чёрная смерть», поставила на стол и ушла. Больше я её не видел. Водка была кстати, моя закончилась.

Утром пришёл Борис Иванович.

– Ты ещё жив? – он каждое утро меня навещал.

– Не заметно, что ли? На хотенье есть терпенье.

– Тёща умерла, – грустно произнёс он. – И дочь родила. Всё в один день. Радоваться мне или плакать?

Я сам бы не знал, как поступить. Поэтому предложил:

– Давай лучше выпьем, смотри, что у меня есть... – и пригласил зайти ко мне в гости.

2009 год

Дозы

В гости к Магеру я захожу не часто. По необходимости. Случайно, если так выразиться. А коль захожу, то только для того, чтобы убить время. Такое убийство, конечно, ничего не решает. Но само решение заслуживает уважения. Иногда хочется расслабиться.

Чтобы попасть к нему домой следует позвонить на сотовый телефон. Магер может шляться где угодно. И часто висеть на телефоне, общаться с какой-нибудь очередной кисой.

В этот раз повезло. Я дозваниваюсь почти сразу.

– Что делаешь?

– Привет, Седой!

– Здоров! Не занят?

– Дома.

– Я зайду?

– Приходи.

– Что взять?

– Что-нибудь. Я с подругой.

– С Викой?

– Нет, её ты не знаешь.

Отключаю трубку. Безделье – для себя. Всё остальное – для баб. Правильно, верно.

Приходит ММС. На фото Магер с кисой. Ага, меня веселят смешными рожами, делая селфи.

В супермаркете покупаю дозу смерти. И беру четыре дозы жизни. На троих достаточно. Умирать никто не собирается.

В кассу очередь. Я думаю, почему смерть стоит дешевле, чем жизнь? Должно быть наоборот...

– Эгей, – говорит кассирша. Она останавливает ход моих мыслей.

Я расплачиваюсь.

Денег в кармане не густо. Выхожу из супермаркета. Где взять? Заработать? Выиграть? Попросить у бога? Нет, лучше украсть, а после попросить прощения у Всевышнего... Верно, простит.

Так и поступаю.

Возвращаюсь в супермаркет. Краду. Дозу жизни, две дозы смерти. Прячу под плащом. Вроде не видно.

На выходе никто на меня не обращает внимания.

По пути стоит церквушка. Иду во двор. Тихо здесь. Наверное, если записать тишину и врубить на полную громкость – можно свихнуться умом! Не от децибелов, а от тихо сказанных скабрёзных слов. В свой адрес. А после оглохнуть.

Захожу в церковь. Крещусь, кланяюсь, ухожу.

О боге нельзя судить по людям, которые в него верят. Все мы разные. А он – один. И его явно не хватает. Когда-нибудь ему найдут рациональное, научное объяснение, и верить мы в него не будем, а станем понимать. Пока что физики сумели доказать лишь, что частица бога есть. Остаётся определиться, чей бог к этой частице относится. Как только философы, или кто-то другой, это сделают – безусловно, разразится третья мировая война.

Мир... Ломается даже то, что не работает.

Но я верю. Мой мелкий грех несравним с масштабами глобальной войны.

В парке кто-то принимает дозу смерти. Без дозы жизни. Запивает водой. Появляются блюстители правопорядка.

Разговор длится не долго. Оправдаться не получается.

Менты забирают всех троих, увозят в участок.

Жить в постоянном стрессе и не принимать дозу – быть больным человеком. Люди в погонах не внушают доверия. Я сочувствую алкоголикам, их оштрафуют. Никто этот штраф никогда не заплатит. Вскоре каждый из них отсидит по пятнадцать суток. А потом они снова соберутся вместе...

Выхожу из парка.

Взять такси?

Решаю идти пешком. Засиделся дома, лучше пройдуся.

На пешеходном переходе какой-то автомобиль сбивает человека. Его отбрасывает к обочине. Он мёртв, мне кажется. Автомобиль скрывается. Я запоминаю номер, звоню в участок.

На месте происшествия остаюсь ненадолго. Пострадавший жив. Слава богу! Кто-то успевает вызвать скорую помощь.

Иду дальше по центральной улице. Людей не много – куда все подевались? Странно. День-то выходной.

В пачке остаётся пять доз смерти.

Останавливаюсь возле урны, на которой написано «место для смерти».

Девушка стреляет дозу, оправдывается:

– Дома забыла.

В коляске ребёнок.

– Мальчик?

– Девочка.

– Как зовут?

– Аня.

– Мне нравится имя Анна, – говорю.

– Муж хотел так назвать. Я собиралась дать ей имя Элеонора. Но мужа не стало за несколько дней до рождения дочки. Его полоса неудач оборвалась. Назвала, как он просил.

Она замолкает. Внешне я остаюсь равнодушным, иду своей дорогой дальше.

Сворачиваю в переулок, чтобы сократить путь.

Возле помойных баков дерутся две собаки. Пять или шесть смотрят на них. Ждут, чем всё кончится.

Прохожу мимо, один кобель рычит на меня.

– Цыц!

Рык усиливается.

Ускоряю шаг.

Чёрный кот перебегает дорогу. Раздумываю, что делать?

Поворачиваю обратно.

Один из дравшихся псов ебёт маленькую сучку. Остальные наблюдают.

Решаю поторопиться. Остаток пути проехать на автобусе.

На остановке стоит человека четыре. Кто-то кому-то рассказывает:

– ...никто не хочет говорить правду. Одни потому, что не знают этой правды. Другие – потому что боятся. Но самое ужасное в том, что некоторые знают – и молчат! Не потому, что боятся, а, просто, им всё равно. Безразлично. С этого они снимают дивиденды.

Сажусь в автобус. Пассажиров не много.

Выхожу через три остановки.

Звонит Магер:

– Ну, ты где?

– Возле твоего дома.

– Всё взял?

– Не волнуйся.

Меня встречает незнакомая киса. Она в коротком халатике. На лице усталость. Я отдаю ей купленные и украденные дозы.

Прохожу в комнату.

Показывает телевизор. Передают новости. Говорит президент:

«Сегодня, в условиях непростой международной и экономической обстановки, эффективная, ориентированная на практические результаты работа Министерства иностранных дел, генконсульств и других министерств России приобретает особое значение...»

– Заходи, присаживайся, – приглашает Магер. Он лежит на диване, смотрит телевизор.

Я сажусь в кресло.

Киса пододвигает столик на колёсиках ближе ко мне. Чтобы было удобней.

– Как дела?

– Лучше не спрашивай.

Я замолкаю, смотрю в экран телевизора.

«Центробанк России заложил в базовый сценарий цену на нефть 50 долларов. По прогнозам ЦРБ РФ нынешнее положение должно стабилизироваться, хотя можно предположить максимальную степень риска на уровне 50 долларов, а критическую – на уровне 40 долларов».

– Что скажешь, глядя на весь этот дурдом?

– Корни настоящего уходят глубоко в жопу прошлого, – отвечаю.

Магер молчит. Молчание знак согласия.

Киса накрывает на стол. Ложится рядом с Магером. Она немногословна, и это мне нравится. Красивая! Оказывается, женщины ртом могут не только минет делать, но и молчать.

Я разливаю дозы смерти.

– За что пьём? – спрашивает Магер.

Я встаю с кресла.

– Девушки прелестны! – говорю, а сам смотрю на кису. – Не замечать этого – быть влюблённым болваном.

– Поехали! – смеётся Магер.

У кисы на лице не отображается ни одной эмоции. Похуй!

Астрологи... Звёзды... С ними не поспоришь... Эпизод постановочный. Роли распределены.

– Поехали, – повторяю. И накатываю дозу.

Просыпаюсь в кресле. Еле живой.

Утро. Светает. Понимаю, спал как убитый. Умер вчера за столом.

Смотрю на диван. Магер и киса спят в обнимку. Дышат оба.

Жизнь пока преобладает над смертью.

Я одеваюсь, иду домой.

Оставшуюся дозу смерти прихватываю с собой из холодильника.

9 февраля 2015 год

Огни притона

1

– Эдик!

Тишина.

Она оставила кастрюли на кухонном столе, вошла в комнату, повторила:

– Эдик, не слышишь, что ли? Мне тебя, Эдик, нужно вот на что: что мы ужинать с тобой будем? – Жанна, тридцатипятилетняя женщина, сохранившая фигуру двадцатилетней девушки, потому что бог не дал детей (а может быть, не в боге дело было), но уже уставшая от жизни – лицо и шея выдавали возраст, – обратилась к мужу. – Давай, иди за хлебом, не ленись, я картошки пожарю. – И достала из валявшейся на журнальном столике дамской сумочки кошелёк, выудила последнюю крупную купюру, мелочи не хватало на хлеб. – Сдачи, чтоб вернул, – уточнила она. – А то не дотянем – когда аванс дадут?

– Дней через десять, – Эдик потянулся в кресле, выключил телевизор, показывали новости, сладко зевнул (так зевают все, даже те, кто ложится спать, зная, что завтра утром его расстреляют) и добавил: – Кому на Руси жить хорошо – те уже в Лондоне, остальные пока в Кремле, – этими словами он хотел показать невидимому слушателю, не супруге – к подобным вещам она относилась безразлично, что есть другой мир, невидимый, но более важный, он – добро неоспоримое, и в нём существуют, не живут, его жена, друзья и знакомые.

Пространственные речи своего мужа Жанна часто не понимала – зачем усложнять себе жизнь, если и так не всё просто. Суббота всегда была для неё самым утомительным днём. Эдик обычно бездельничал, уткнувшись в экран телевизора, а ей приходилось стирать, делать уборку, готовить. Среди всех этих дел она стремилась найти часок-другой, чтобы передохнуть, потому что вечером мужу захочется её оседлать. Именно оседлать! Действительно, уставшая и не отдохнувшая, Жанна часто чувствовала себя в постели ездовой лошастью – какое там удовольствие от секса, или любви. И то, и другое понятие уже через год после замужества слились для неё воедино. В супружеской постели, а это алтарь супружества, кто-то один должен приносить себя в жертву, но жертвой всегда становилась Жанна. Так ей казалось.

– Ворона ты разнокрылая – вот кто ты, Эдя. Попроси у начальника, чтобы раньше выдал, не дотянем, сам знаешь.

– Да как же я попрошу – всё равно откажут! Унижаться, что ли?! Хрен! – сказал Эдик и показал дулю жене, вообразив её, видимо, своим непосредственным начальником.

– Ты мне дули не крути, я не резиновая, чтобы тянуться, вытягивать семейный бюджет – мне обещают зарплату ещё позже, страшно представить. И, пожалуйста, без фокусов, без пива твоего. Всю сдачу вернёшь в кошелёк. Понял?

– Ой, не веришь ты мужу, не доверяешь, сколько уже – четырнадцать лет! Вот сама и иди.

– А ты картошки пожаришь, да? За всё это время никакой помощи от тебя. Как и зарплат. Дура, что живу с тобой! На меня до сих пор мужики заглядываются, – Жанна подошла к зеркалу, приподняла халат, чтобы самой оценить красоту своих ног. – Не ценишь ты жену свою, надоела я тебе, опостылела, наверное.

Эдик глубоко вздохнул, поднялся со своего насиженного места, подошёл к супруге, обнял за талию, небрежно поцеловал в щёку (у Жанны создавалось такое впечатление, когда он так её обнимал, что Эдик хочет сообщить ей своими грубыми средствами немого животного что-то серьёзное), сказал:

– Сила часто в том и заключается, дорогая, что надо поддаться. Иду я, иду. Не ругайся, ага? – слово «дорогая» Эдик нарочито выделил. Дал понять, мол, с годами ничего не меняется, ценности остаются прежними. Ему не легче.

Он вышел из дому. пляжные тапочки, засаленные шорты, порванная футболка – домашний вариант: магазин находился в двух шагах. Сел на лавочку возле подъезда, закурил. На улице царил непереносимый зной, хотя было почти восемь вечера; солнце шло на закат, жаром дышал асфальт, как больной с высокой температурой – субботний вечер плавно перетекал в воскресную ночь. Эдик старался вид иметь весёлый и довольный, но показывать его было некому. Кажется, я ей не нравлюсь, подумал он, а впрочем, господь её ведаёт! И загрустил.

2

Ребёнок, появившись на свет, сразу начинает сосать материнскую грудь. Как только она его отнимает от груди, ему предоставляется соска. Но если у ребёнка отнять соску – он начинает сосать палец. Вредная привычка, от которой малыша сложно отучить. Родители Сашки – отец и мать давно уже покоились на кладбище – в своё время мазали палец сыну горчицей, но ему, видимо, горький вкус нравился, и он так и не избавился от вредной привычки. Убедившись не в эффективности этого способа, отец однажды намазал ему указательный палец водкой – подействовало. Сашке исполнилось тогда уже пять лет.

Зато в семь он попробовал пиво, в восемь мог выпить стакан яблочного вина, а в девять лет пробовал водку. Выпивал чекушку.

К двенадцати годам Сашка стал алкоголиком. Во дворе дома соседи знали, что он пьёт, говорили родителям. Но отец и мать сами не выходили из похмелья. Отец бил Сашку, если ему сообщали об алкоголизме сына. Мать тоже била Сашку. А Сашка гонял во дворе ровесников, стрелял деньги на бухло, и все думали, что он долго не протянет.

Так оно и вышло. Забрали однажды Сашку менты. Ограбил он с друзьями парикмахерскую, потащили оттуда шампуни дорогие, фены. А попался на сбыте он один, не повезло. И вот, стало быть: либо тюрьма, либо армия. Участковый дал выбор, сжалился, видимо, над ним, понимал, что тюрьма Сашку не исправит – наоборот, искалечит; он жил вместе с Сашкой в одном доме. И Сашка выбрал армию.

Попал в Абхазию, воевал. А когда вернулся – стал другим человеком. Поступил в университет, на юридический факультет. После работал на заводе юристом. Удачно женился.

И мог бы подняться по служебной лестнице выше, получить квартиру от завода (была ещё такая возможность), но... изменила жена.

Месяц Сашка пил горькую. Когда напивался в хлам, превращался в ребёнка и сосал указательный палец. С работы его уволили. А тут ещё отец с матерью один за другим ушли на кладбище. И Сашка стал тем, кем стал. Проживал в квартире родителей. Варил самогон на продажу. Пил сам. Тем и жил.

Было почти восемь вечера. За весь день ни одного клиента за самогоном. Сашка винил во всём жару. В такие дни пьют пиво даже самые отъявленные алкаши, думал он.

А в доме – шаром покати, холодильник пустой. Но зато на окне настаивается трёхлитровая банка самогона на перегородках грецкого ореха и на апельсиновой кожуре. Такой самогон Сашка не гнал на продажу, изготавливал для себя. И хоть был он алкоголик конченный – предпочитал себе делать не простое пойло, а золотое (приготавливаемая им жидкость имела действительно золотистый цвет), очищенное, не воняющее сивухой.

Он достал лейку, нашёл грязную стеклянную бутылку, помыл её под краном, осторожно налил самогон из банки, закупорил пластиковой пробкой, завернул в газету и вышел из квартиры.

Когда спускался, ему вспомнился почему-то сон, приснившийся то ли этой ночью, то ли прошлой. Как будто точно также идёт он по лестнице вниз, запах жареной картошки витает по подъезду, и вдруг его кто-то толкает в спину, мол, быстрее иди. Обернувшись, он видит Еву, она почти голая. «Ты чего в таком виде?» – спрашивает Сашка. А она ему: «Чтобы всем показать, что такое красота женского тела». И выталкивает его за плечи с подъезда. А там, на улице, уже сидят Эдик, жена его, баба Галя, тётка Танька, Серёга и друг его, Витька, и кто-то ещё, кого он не знает. Все смотрят на них, удивляются, почему Ева голая, да и он не совсем одет. «Ах, мой милый Саша!», восклицает Ева. Сашка чувствует, что эта девушка – Эверест, её покорять надо, а он альпинист, но его руки слабеют, и бутылка падает на асфальт, разбивается.

Запах самогона распространяется по всему двору, он оборачивается, чтобы сказать, что ты наделала, Ева, но её уже нет...

И тут он проснулся.

Возле подъезда сидел сосед, курил. Они выросли вместе в одном дворе.

Эдик поздоровался с Сашкой – тот был по пояс голый, в порванных джинсах, которые, не смотря на излишнюю худобу его, шли ему, жопа не свисала, как бывает у некоторых. В руках – газетный свёрток.

– Выгнал самогону, очистил. Давай выпьем. Только закусь не взял. Нет дома ничего.

Эдик почесал подбородок, задумался. А после сказал:

– Сиди, я в магазин.

Сашка стрельнул у Эдика сигарету, достал коробок – в нём была последняя спичка. Она зажглась. Обычно с последней спичкой ему не везло. Он закурил, выпустил кольцо, а затем тонкой струйкой дыма попал в него.

Получить два кольца и попасть в них ему пока не удавалось. И он сделал попытку. Получилось. Вышло красиво. Но никто этого не увидел. Каждый человек способен на многое. Но, к сожалению, не каждый знает, на что он способен. Сашка же был способен на всё плюнуть и попасть в самого себя. Пока что он ни разу не промахнулся, все собственные плевки летели в него.

3

С детства Ева любила садиться к отцу на колени. А в семнадцать лет делала это охотней. Со стороны, если кто-нибудь увидел, такая сцена поразила бы любого, знай он, что мужчина в полном расцвете сил – её отец.

Она любила отца. И говорила ему:

– Папа, я тебя люблю!

Он позволял ей это делать. Но не долго. Такая близость с дочерью смущала его. Была бы мать Евы жива – она тоже расценила поведение дочери, мягко выражаясь, неправильным поступком. Поэтому отец разрешал дочери сесть на колени, но через минуту отталкивал её, говорил, что она тяжела для него. Сказать, мол, так нельзя, он почему-то не мог. Он никогда не говорил дочери, что этого и вот этого делать нельзя.

Ева целовала отца обычно в щёку. И уходила гулять.

Её действия на тот момент, как не покажется странным, не были осознанными, всё происходило на подсознательном уровне – это в отношении отца. Что касается остального – у неё не было пока ни одного мужчины по-настоящему, один минет не в счёт. И она хотела переспать с кем угодно, чтобы лишиться этого самого бремени, девичьего гнёта, зовущегося девственностью.

По мнению Евы, её ровесницы стадию потери невинности прошли давно. Она тоже говорила подругам, что у неё был мужчина, и ни один. Но она знала, что врёт не только кому-то, но и самой себе. Врали ли ей подруги, она точно сказать не могла.

И вот, когда это случилось, Ева поняла, что стала женщиной, настоящей, не на словах. Фраза партнёра тогда не удивила, она пропустила мимо ушей этих два слова: «Большая девочка», приняв их за комплимент, типа, вот ты и стала взрослой; и ей понравилось, хотя, как утверждали многие подружки, в первый раз нет ничего приятного, без оргазма. Но у неё даже кровь не выступила. Она не знала, почему. И это её пугало (позже Ева поймёт, что отсутствие крови – её занятия в секции художественной гимнастики, многие девочки теряют девственность из-за особых нагрузок на тренировках, а отсутствие боли – особая анатомия). А оргазма не было – да, как случилось, бывало, в моменты мастурбации в ванной комнате перед зеркалом.

В пору своих любовных переживаний Ева боялась расспрашивать у отца про «женские проблемы». Верно, она могла сесть отцу на колени, но сказать, что в положенный срок не пришли месячные – не решалась.

Так она забеременела.

На третьем месяце втайне ото всех сделала аборт. И что-то в ней перевернулось. Она озлобилась. На всех мужчин сразу. В том числе на отца. Потому что у него в тот период появилась женщина, он её любил больше, и Еве казалось, что так грешно поступать родному отцу. Любовь надо разделять поровну. У него есть ещё она, Ева. Но настоящей злостью назвать это было нельзя.

Потом он переехал в дом к своей новой жене. Дочь оставил одну. Она выросла давно.

Ева решила жить так, как ей захочется, то есть оставаться одной. Нелюбовь к мужскому полу была у неё наигранна. Ей хотелось любви, но не хотелось, чтобы эта любовь превращалась в единственную на всю жизнь. Ею надо делиться, представлялось Еве. А не так, как делает отец.

Переспав с одним мужчиной, с другим, Ева вошла «во вкус». За это ей даже давали деньги, хотя вначале она их не брала. Но разобравшись, что помощи от отца ждать не приходится, Ева сначала брала столько, сколько давали. А после стала назначать цену сама.

Вскоре в доме заговорили, что она проститутка. И Ева изменила тактику: больше никогда не приводила мужчин к себе на квартиру. Спала только с теми, кто приглашал её. С кем попало

тоже не трахалась, выбирала. Ставку делала не на тех, кто может сегодня заплатить, а кто всегда при капусте.

В свои двадцать восемь Ева имела великолепную внешность, неплохой заработок и море приятных ощущений чуть ли не каждый день – ей нравилось, что она делает. Она понимала – теперь уже понимала, – что это неправильно, так настоящие женщины не поступают, как не поступают и молодые девушки, садясь на колени к отцу. Но изменить стиль жизни и изменить саму себя Ева не могла. Она представляла тот тип продажных женщин, которые становятся проститутками не по нужде, а по причине своей физиологии и неправильного воспитания.

Она возвращалась от очередного клиента. В небольшом городе Ева обходилась без сутенёра. Один клиент делился номером сотового телефона с другим своим знакомым, а тот в свою очередь передавал информацию дальше по цепочке.

Такси привезло её к дому, она расплатилась с водителем. На лавочке сидел Сашка. Он догадывался, чем зарабатывает себе на жизнь Ева. Но ему было, честно говоря, всё равно.

Он поздоровался с Евой. В детстве она была прекрасным ребёнком, мелькнуло у него в голове. А теперь красивая блондинка, вся в соку! И уже в спину спросил Еву, пока она не скрылась в подъезде:

– Может, выпьем, соседка?

Она остановилась, обернулась. Сашка показал ей бутылку, развернув газету.

– Хорошая! – большой палец правой руки он поднял вверх. – Во! Сейчас Эдик подойдёт.

– Я такое не пью, – сказала Ева. Немного подумав, она села рядом с Сашкой, достала тонкую сигарету себе и ему. – У меня в холодильнике есть холодное шампанское, сейчас вынесу. И шоколад.

Вернулся Эдик. Он купил колбасы, сыра, банку кильки в томатном соусе, пластиковую посуду и минералку.

– Присоединяйся, – сказал он Еве. И тоже показал на бутылку.

– Дай докурить, – сказала она.

– Ева, всё тебе дай, да дай... – в шутовском тоне молвил Эдик.

– Без того нельзя, чтобы не погалдеть, успокойся!.. Я сейчас приму душ, и присоединюсь к вам. Без меня не пейте. Я быстро.

Когда она уходила, и Сашка, и Эдик глядели не ей вслед, а на её зад.

Потом Эдик сказал:

– Интеллигентный человек не смотрит на женскую жопу, не занимается онанизмом. Мы с тобой, Сашка, обычные люди, подверженные инстинктам.

– Нормальная реакция здорового мужика на красивую бабу, – ответил Сашка и покосился на бутылку в газете. – Если долго ждать, тёплый самогон придётся пить.

Эдик улыбнулся первой фразе. А Сашка отреагировал, что он улыбается по поводу тёплого самогона, и сказал:

– Не смейся. Я серьёзно.

4

Когда-то Галя работала на заводе крановщицей. Почти весь свой трудовой стаж. А начала в колхозе телятницей, ей было тогда шестнадцать лет. Потом замужество, переезд в город. Учёба в ПТУ, завод.

С мужем ей повезло. Он почти не пил, а это, как казалось, главное в семейной жизни, если не считать детей. Жили они с Мишей в общежитии, так звали мужа. Он тоже работал на заводе, мастером. Деньги все отдавал жене, если что-то и оставлял себе – это не имело никакого значения, мужики все так поступают. Галя гордилась своим Мишкой. Иногда даже хвасталась перед подругами, какой он хороший. Подруги, естественно, завидовали.

Потом родился Вадик. Им дали квартиру со всеми удобствами – счастья не было предела.

Но, как часто случается, в жизни может возникнуть преграда. И этой преградой стала лучшая подруга, Маша. Не красавица – она была любовницей Мишки, как оказалось. Слухи ходили.

Вывести мужа на откровенный разговор не составило труда, – да, Мишка признался в своём грехе. И неожиданно заявил, ухожу к ней, всё!

– Так ведь она не красивая! – вдруг сказала тогда Галя. Она понимала всю безнадёжность ситуации – он меня не любит.

Ответ мужа её покорибил. Мишка сказал:

– Женщин не бывает некрасивых, бывают у мужчин разные представления о красоте.

И он ушёл.

Только через год они развелись официально. Она с Вадиком осталась в квартире. Попытки найти нового мужа не увенчались успехом. Вокруг многие пили. И, как бывает в таких случаях, мать всю себя отдала на воспитание ребёнка, работая порой в две смены на заводе.

Труды были не напрасны. Вадик окончил школу с серебряной медалью, поступил в лётное училище, оставив мать одну.

До пенсии оставалось совсем немного. Ровно год. В этот период спасала работа. Но, выйдя на заслуженный отдых, уже баба Галя (у неё родился внук) заскучала. Было дело, даже к рюмке приложилась. Но вовремя опомнилась.

Вадик приезжал в отпуск каждый год. С внуком и женой. У него всё складывалось хорошо. Он умел наводить контакты с любыми людьми. Даже с отцом у него не было в отношениях никаких проблем, хотя воспитанием сына он не занимался.

Когда Вадик уезжал, наступали пасмурные дни. Баба Галя не находила себе места. Плюс ещё маленькая пенсия. Её не хватало. Квартира была двухкомнатная – платежи высокие. Разменивать квартиру она не собиралась – может, внуку пригодится, как ни как – лучше две комнаты, чем одна. И тогда она устроилась в один из маленьких магазинчиков уборщицей. Мыла полы по вечерам.

А вскоре в дом въехала баба Таня. Они сдружились. Нашли общий интерес – обе любили вязать. Одна из них приходила в гости к другой, сядут на диван и вяжут, поддерживая неторопливый разговор. И обе изготавливали домашнее виноградное вино. Чисто для себя. У каждой имелся свой рецепт.

В процессе вязания, делая остановку, чтобы отдохнули глаза, подруги выпивали, делали маленькие глотки с миниатюрных фужеров, которые когда-то подарил Вадик.

Баба Таня была одинокой женщиной. Вдовой. Общения ей не хватало. Сын умер давно. И знакомство с Галей вывело её на новый уровень жизни, она обрела верную подругу на старости лет. Ведь женская дружба часто становится по-настоящему крепкой только в преклонном

возрасте, когда в прошлом все эти любовные трения и интрижки, и великие страсти исчезли за давностью лет, делить-то некого уже, всё в прошлом.

Вечерело. Баба Галя возвращалась домой. Сегодня она устала чуть больше, чем вчера, убирая магазин, – духота.

Во дворе дома увидела соседей. Ева стояла с бутылкой шампанского, а Сашка-алкаш и Эдик, у неё создалось впечатление, – никак напиться решили.

Она прошла мимо вначале, потом остановилась и говорит:

– Если выпивать собрались, не светитесь! Полицаев, мать их, тьма-тьмущая, оштрафуют же, идите вон туда, на лавочку, там кусты сирени, не видно будет.

– Баба Галя, а ты к нам присоединяйся, – сказала Ева. – Я одна в мужской компании. Правда – шампанское будете?

– Если мужики не против – я за вином поднимусь. И Таньку позову, хватит сидеть, смотреть сериалы. Выпить и мне хочется, старой!

– Давай, баба Галя, – сказал Эдик. – Нам-то чего...

– И вина не жалей, – уточнил Сашка. – У тебя оно хорошее.

Компания, послушав бабу Галю, перебралась за столик, в кусты сирени.

Ева разложила закуску. Сашка занервничал. Процесс ожидания его утомил, он уже пожалел, что не накати́л рюмашку дома.

Пиликает сотовый телефон Эдика.

– Ты хлеба скоро принесёшь? Картошка скоро будет готова, – беспокоится Жанна.

– Уже несущу...

– Не задерживайся.

– Хорошо, хорошо... Скоро вернусь домой. С хлебом. Без меня не ешь.

Каждый лжёт в меру своей надобности. Эдик понимал, что, приди сюда Жанна, он распрощается со всей честной компанией.

– Ну, ты – артист! – сказала Ева. – Чего жене-то врёшь, куда ты не пойдёшь, я по глазам вижу. Скажи ей честно, где ты.

– Ага, я редко вру, поэтому часто ввожу в заблуждение. Ничего я говорить не буду.

– Смотри, чтобы хуже не было.

– Чего ты к нему пристала, – влез в разговор Сашка. – Наливай лучше, не знаю, как там вы, а я зажда́лся. Иначе сейчас с горла опрокину.

– Давай сюда бутылку, только открой вначале, – сказала Ева и разлила самогон по пластиковым стаканчикам. – А я дождусь бабу Галю с бабой Таней... И чего я с вами связалась?

5

Хоть у Серёги с этой девочкой ничего не было, он питал к ней очень нежные чувства. Она выходила замуж.

Побывать на свадьбе – всё равно, что поучаствовать в марафоне под лозунгом «Когда это всё закончится?», где нет финиша.

Серёга и Витька были приглашены на свадьбу. Друг Валерка женился первым, ибо залетел чувак! Это стало полной неожиданностью в первую очередь для Серёги, а не для родителей невесты, ибо дочь в семье, которой исполнилось восемнадцать лет, всегда может преподнести сюрприз для мамы с папой.

И понеслось! Рядом с сосватанным другом они были с самого утра. Следили за тем, чтобы он не забыл взять паспорт, букет для невесты – зарядить телефон и удалить из фотоаппарата снимки с мальчишника. Потом выкуп невесты (дружком посчастливилось не быть ни Витьки, ни Сергею), после выкупа помогали заталкивать гостей по машинам свадебного картежа – жених чуть было до ЗАГСА не сел в автомобиль с невестой, а этого делать нельзя. Затем ЗАГС. Утомительная процедура бракосочетания. После напутственного слова регистраторши – бестолковое катание по городу. Ресторан. Выпивка. Горько! Ведущая нудная, на ней, видимо, чья-то сторона сэкономила деньги. Дарение подарков. Ещё все трезвые и мнутя, не знают, что сказать молодым. Музыка отстойная, шансон, да «чёрные глаза», никакой альтернативы. Дружка красивая, но она принадлежит дружку. Молодых девушек мало, а те, кто есть – заняты, с мужьями... Обязанность для дружка и дружки – Витька и Серёга стащили туфлю у невесты – выпить водки из украденной туфли. Выпили. Окосели, а ещё не вечер. Конкурсы, тупые и глупые: «ударник труда» – попади поварёшкой по сковородке поступательным движением таза, «дырки» – женщины на коленях с карандашом в зубах делают отверстия на листах бумаги, лежащих на коленях у мужчин... Драка: Витька и Серёга набивают морду какому-то родственнику со стороны невесты, был не прав, как им казалось, – это уже не конкурс. Затем Серёга знакомится с девушкой, взявшейся невесть откуда на свадьбе, Витька крадёт со стола две бутылки водки и закусь. И они покидают втроем место торжества, утомлённые обыденностью праздника...

– Идёмте сюда, – говорит Витька, показывая на кусты сирени.

– Куда вы меня привели, – удивляется девушка.

– Это наш двор, – поясняет Серёга.

И вот друзья смотрятся немного растерянными, когда появляются за столиком. Сашка и Эдик держат пластиковые стаканчики в руках, готовые опрокинуть их содержимое себе в рот. Ева нарезает сыр.

Первым опомнился Сашка, увидев пакет с водкой в руках у Витьки, сказал:

– Чего стоите, доставайте – что там у вас? – ставьте на стол.

– Присаживайтесь, – добавил Эдик. – Будьте как дома. Хотя вы и так дома. Как зовут девушку?

– Инна, – сказал Сергей.

– Она с тобой? – спросила Ева.

– Да, со мной, – Сергей держал её за руку.

– Мы со свадьбы возвращаемся, хотели продолжить банкет здесь, – уточнил Витька.

– Это правильное решение, – сказал Эдик. – Главное вовремя уйти, чтобы тебе никто не надоел. И не с пустыми руками.

Зазвучал аккордеон.

– А вот и мы, не ждали? – баба Галя поставила на стол две пластиковые литровые бутылки вина.

Баба Таня – никто не знал, что она владеет аккордеоном – стала играть почему-то «День победы». Звуки музыки разлились по местной округе. И вокруг стала собираться пятилетняя детвора, бегавшая во дворе. За ними подходили их мамы и папы.

И вдруг всё закрутилось, завертелось в бешеном ритме, как будто время ускорило ход.

Сашка шепнул Эдику на ухо, так и не опрокинув свой стопарик, держа его в руке:

– Глянь, сколько народу сходится, бухла не хватит!

А новые лица всё прибывали и прибывали, пока баба Таня наяривала, воодушевлённая зрительской толпой.

Кто-то запел.

И каждый теперь нёс на общий стол всё, что мог принести. Кто-то закуску, а кто-то выпивку. И когда, казалось, уже нет места (стол, надо заметить, был не маленький), всё разложено и разлито, чтобы поднять первый тост, появилась Жанна. Она прервала игру аккордеона. Баба Таня потеряла аккорд, смолк голос певца, и воцарилась тишина...

– Где хлеб, Эдя? – Жанна метала молнии.

– Нету, – неуверенно ответил Эдик.

– А деньги где?

И тут баба Галя замечает, что на столе есть абсолютно всё, но никто не додумался принести хлеба.

Она вмешивается в разговор двух супругов, один из которых готов разорвать в клочья другого, и говорит:

– Жанна, хлеба нет даже у нас на столе. Ладно тебе... не хлебом единым...

...Звучит аккордеон, баба Таня заглушает свою подругу музыкой. Кто-то толкает Жанну за стол, она присаживается, ей наливают вина. А Эдика просят, мол, говори, и он неохотно, но произносит первый тост:

– Миру – мир, войны не нужно!

Все его дружно поддерживают, аплодируют, выпивают.

Сашка наливает себе ещё, не дожидаясь никого, снова шепчет Эдику на ухо:

– Я думал, застолье рухнет, а тут всё только начинается.

– Кончится у меня дома, когда останусь наедине с женой, – вздыхает Эдик. – Вечная борьба двух полов укрепляет иммунитет, хоть и расшатывает нервы... Налей-ка мне тоже, пока моя не смотрит... Как бы ни кастрировала она меня ночью, денег-то не осталось совсем.

– Зачем ты ей нужен будешь, кастрированный?

– Не знаю, Сашка. Вот ты, к примеру, никому не нужен, ты живёшь один. А я живу в паре, и мне кажется, что я тоже никому не нужен.

Уже стемнело, и они, не прячась, выпили по третьей.

Эдик закурил.

– У нас, Сашка, не дом, а притон какой-то, а мы, каждый из нас, кто здесь живёт, тусклые огни, которые загораются на всю свою мощь только в момент всеобщего праздника. Давай за это выпьем, наливай, – и он обратился ко всем собравшимся: – За типичную ситуацию, за нетипичных женщин, за типичную Россию, за атипичную пневмонию – за всё хорошее и плохое, будем!

– Будем! – поддержала баба Таня и заиграла туш.

Задний ум

Часто удивляются, как такой-то человек, будучи всегда умным человеком, при должности, скажем, пусть и маленькой, мог так глупо поступить. И сделал он глупость не потому, что не знал, а наоборот – понимал, догадывался, предполагал. Можно сказать, жизнью своей рисковал, но рисковал напрасно, и нет ему оправдания, что он полицейский, в звании лейтенанта, молод и неопытен.

В тот день лейтенант Григорий Мясичев вышел на работу с головной болью. И боль эта была похмельной, едкой – пробивала из затылка в лоб, как будто кто-то специально бил по голове, чтобы ему плохо было, стыдно было: должность обязывает быть трезвым на рабочем месте. А с другой стороны, хороший алкоголь, хороший секс и спящая совесть – вот идеальная жизнь любого полицейского.

Пока Мясичев, сидя в кабинете, попивал кофе и стыдился своего нетрезвого состояния, житель села Прудниково, Ерохин Алексей, местный старожил, так сказать, ветеран войны и труда, сматывал удочки, собирался идти домой – не было поклёва, хоть ты убей! Он сложил снасти, осмотрелся – всё ли взял, не забыл: восемьдесят шесть лет, значится, старческий маразм и всё такое. Удостоверившись, что ничего не забыл, Ерохин, сел на кочку, снял левый кирзовый сапог, перемотал портянку, снял правый сапог – да так и остался сидеть с поднятой ногой: дело было не в артрите... То, что он увидел, привело его в ужас, вернуло на шестьдесят пять лет назад – почти у самой воды, в зарослях травы, торчал снаряд большого калибра.

Забыв про портянку, дед Алексей подхватил удочки и мелкими шажками посеменил в село.

Мясичев не был рад деду Алексею. Со своей головной болью – он никому не был рад в своём кабинете. А то, что снаряд времён Великой Отечественной войны торчит на берегу Егорлыкского канала, торчит и может взорваться в любой момент, – ой да как не вовремя! Так всегда, когда плохо тебе – нате, получите дополнительную болячку!

Ерохин провёл Мясичева к опасному месту и с чувством собственного достоинства подобрал забытую портянку, удалился, сославшись на домашнее хозяйство, мол, живность не накормленная.

Первым делом Мясичев закурил, осмотрелся. Затем огородил опасное место самодельными флажками (нарвал камыша и воткнул вокруг), всё как полагается, так сказать, и только после позвонил со своего сотового телефона – благо, деньги имелись на счёте – сотрудникам райвоенкомата, а после дозвонился до МЧС. Своё непосредственное начальство в городе проинформировал в последнюю очередь, чтоб знали, коль так всё сложилось для него. А то вечно претензии, мол, местный участковый не загружен на сто процентов, лодырь. Кстати, везде прозвучал одинаковый ответ, как будто в разных структурах сговорились: «Организуйте оцепление и ждите сапёров, выезжаем!»

Оцепление Мясичев организовал, чётко! Он выхаживал по периметру обозначенной флажками зоны, курил, ходил, курил, снова ходил... садился на кочку, отдыхал, снова вставал, ходил, курил, оглядывался... через пару часов понял – протрезвел. И это вылилось потом: проступила испарина на лбу, взмокла форменная рубашка (пиджак и фуражку он снял).

Далее все действия лейтенанта повторились. И так с раннего утра до позднего вечера.

Наконец стемнело. Сапёров всё не было. Глаза начали слипаться. А есть-то, хочется! Как-никак с бодуна – жор пробирает смертельный. Как быть? Что делать?

И вообще: быть или не быть в «оцепленной» зоне?

Мясичев позвонил на оставшиеся деньги в родное ОВД. Ответ был предполагаем: «Оцепление не снимать, ждать сапёров!» А дело-то к полуночи уже приближалось, Луна светила над головой, вода билась о берег настоящими морскими волнами, рыба плескалась,

русалки, водяные – короче говоря, звуки непонятные зазвучали, и боязливо стало Мясищеву, так боязливо, что он решился на единственный верный шаг. Он был уверен в своём решении.

Обернувшись туда-сюда, Мясищев принёс из опорного пункта лопату, аккуратно выкопал снаряд, обтёр его старыми тряпками, которые захватил с собой, взял снаряд под мышку и понёс к себе в кабинет. Запер на три замка, никогда так не закрывал надёжно. И пошёл домой. Поужинать да и вздремнуть малость.

В пять утра дед Алексей разбудил лейтенанта.

– Увезли снаряд? Взрыва я чё-то не слыхивал.

Мясищев ударил себя в лоб ладонью. Скоренько оделся – и в участок. Дед Алексей – за ним.

– Случилось ли, милоч, что, а?

– Отстань дед, домой иди, говорю!

Но дед не отставал, он даже нагнал лейтенанта и пошёл с ним вровень.

Мясищев остановился, сказал:

– Дед, проболтаешься, – он сжал кулак, – накажу. Понятно?

– Ты парень молодой, а я старый хер – чего удумал?

Лейтенант огляделся и тихо сказал:

– Снаряд у меня в кабинете – не приехали сапёры! Не мог же я бросить взрывоопасный предмет без присмотра. Спать хотелось, понимаешь?

– Понимаю. И что далече?

– Вернуть надо предмет на место. До приезда сапёров.

– Верная мысль, – согласился дед Алексей. – Давай подсоблю, а? Вдруг чего, а я старый, мне умирать не страшно. Тебя жалко будет.

– Не, сам принёс, сам и ворочу, дед. Вдруг споткнёшься, древний же ты, ноги плохо слушаются тебя, сам говорил. За смерть твою мне отвечать придётся, хоть ты и старый пердун.

– Нынче каждый сам за себя. Я, смотри, с тобой иду. Не гони.

– Дед, не делай глупостей.

– Моя глупость в двух шагах от тебя, милоч. Пошли, время не тяни.

Снаряд снесли на прежнее место, быстро и без свидетелей. Закопали. Действия свои Мясищев замаскировал. И вот, стало быть, флажки поправлены, форма очищена и одета – оцепление вышагивает по периметру, дед Алексей сидит чуть в сторонке, курит папиросу.

– И зачем мы так торопились, правда?

– Послушай дед, молчи! – сказал Мясищев. – Без разговорчиков!

Прошло несколько часов. Так никто и не проронил слова.

А к обеду приехали сапёры. Дед Алексей спал на пригорке, лейтенант кидал камни в воду, когда услышал шум двигателей.

Вскоре участкового и деда отогнали на рубеж безопасного удаления. Сапёры надели взрывозащитные костюмы, приблизились к снаряду, осторожно его откопали, вывернули поржавевший взрыватель (он оказался во взведённом состоянии), погрузили опасную находку в кузов КАМАЗА. И уехали. Представитель МЧС задержался, чтобы поблагодарить лейтенанта Мясищева за оказанное содействие в патрулировании опасной зоны, а деда Ерохина за бдительность, пожал каждому руку, и хотел было уйти, чтобы сесть в УАЗИК, как дед обмолвился:

– А чё так долго-то ехали? Тащить снаряд в участок второй раз мы не собирались. Скажу я вам, начальник!

Мясищев почувствовал, как на его шею опускается гильотина. И подумал: «Старый пердун!»

– Шутки шутить – это по-нашему, – отозвался представитель МЧС. И сел в автомобиль.

Вскоре прозвучал взрыв в старом карьере. Перепуганные птицы все разом взлетели с деревьев.

– Ты, дед, с ума точно сошёл, – сказал Мясичев.

– Я правду сказал, – обиделся дед Алексей и добавил: – Участковых надо беречь, а сапёрам поторапливаться. Дисциплина, знаешь ли... Вот я воевал – за отсутствие дисциплины расстреливали...

Мясичев его не слушал, он вытер платком пот со лба, огляделся вокруг – красота! И ему захотелось жить. Жить крепко, по-людски: хороший алкоголь, хороший секс и спящая совесть! «Сегодня напьюсь», – подумал Мясичев и сказал деду, перебив его монолог:

– Что же, доброе дело мы сделали.

– Мудрено сотворено, – ответил тот. – Я бы на твоём месте оказался, заночевал бы возле снаряда.

– Старый ты, дурной, гражданин Ерохин.

– Да не глупей тебя, чугунный лоб.

– Не оскорбляй, старый, представителя власти.

– Ой, посмотри на него, представитель, тьфу!.. Паразит! В войну вшей меньше было, я тебе скажу.

Они шли и спорили между собой: так сказать, хрен редьки не слаще...

Здесь можно с уверенностью сказать, что лейтенант Мясичев совершил подвиг. Верно, он не боялся, потому что не думал о последствиях. Задний ум – задор молодой выявляет.

Правда скрывается чуть подальше ото лжи, рядом с кладбищем

– Водка – это краска, которой можно разукрасить серый мир. Но она быстро смывается. Вот поэтому я здесь снова, – сказал Рома, завсегдатай бара, и опрокинул содержимое рюмки в рот.

– Ты лжёшь самому себе, – ответил бармен. Иногда он поддерживал разговор с Ромой. От нечего делать. Если не было клиентов.

– Мне остаётся только разглагольствовать. Все громкие события последних дней говорят об одном, нас терпеть не хотят, ненавидят. В скором времени – стрелять начнут. А смерть узаконят. Людей надо любить, а вещи использовать. Меня используют, например, и тебя тоже – не любят, не могут любить. А мы молчим. И пьём, – Рома подставил рюмку, чтобы бармен налил ещё.

– В долг наливать? – бармен не торопился выполнить просьбу завсегдатая.

– А сколько я должен?

– Пять сотен.

Рома порылся у себя в карманах, нашёл четыре сотки.

– Вот, вычеркни, – он протянул деньги.

– Значит, в долг, – сказал бармен.

Рюмку Рома подтянул к себе, но пить сразу не стал, сказал:

– Вся хрень, творящаяся вокруг, говорит об одном: начался закат, новейшая история пишется другими людьми.

– Говорить такое не боишься?

– Послушай, – Рома перегнулся через стойку бара, – для меня будет более мучительно больно, если я замолчу совсем. Из-за страха, или по какой-то другой причине. Иногда надо говорить, чтобы заговаривать возникающую боль. – Он снова вернулся на своё место, присел, выпил водку. – Недавно наткнулся на интересную фразу в интернете. Кто-то сказал, что выбраться из жизни живым никому всё равно не удастся. Ты не знаешь, кто это сказал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.